

«ГОВОРИТЬ ПРОСТО И ОТКРОВЕННО»

Связь А. М. Горького с различными посмертными изданиями не сводилась к публикации собственных сочинений. Стремясь к объединению демократических сил, он участвует в организации и редактировании целого ряда дореволюционных журналов. В письмах А. М. Горького издателям и редакторам отчетливо проступает требование ясности сознания, последовательности и принципиальности.

В письмах редактору журнала «Современный мир» В. П. Кранихфельду А. М. Горький выражает серьезную озабоченность состоянием журнала, предлагает ряд мер, чтобы поднять его уровень.

Особый интерес представляют обстоятельства, связанные с публикацией «Русских сказок».

29 января 1912 года А. М. Горький пишет с Капри в Петербург:

«Уважаемый Владимир Павлович.

...Я плохо понимаю, для кого и в каких целях издается «Современ. мир»; мне кажется, что вы, господа, живя в Пите-

Подбор беллетристики — случаен, редакция ее — небрежна. «Как везде в России — каменщики пили больше всех» — если эту фразу заметят, ее высмеют, а половина вины за нее лежит на редакторе: он должен знать, что каменщики — наиболее трезвый народ, что они, по свойству своего труда, не могут пить «больше всех» и что, наконец, в рассказе речь идет не о каменщике, а о пеньке — это серьезная разница...

Все это сказано из желания добра вам и вашим читателям, я думаю, вы не обидетесь на меня за то, что сказал то, что считал нужным сказать.

Искренне желаю всего лучшего...

Статью М. И. Волкова А. М. Горький критиковал за идеи, которые могли, по его мнению, усилить разобщение народа и интеллигенции.

В рецензии на роман бельгийского писателя Жоржа Экаута (так принято сейчас писать эту фамилию) «Защитник бездомных» лишь в общем говорилось о языковых недостатках перевода.

В июне 1912 года А. М. Горький пишет В. П. Кранихфельду:

«Очень жаль, что письмо ваше — полемическое. Позволь-

Впрочем, — желаю всего хорошего!.. Со «Сказками» поступайте, как вам удобнее».

В письме от 4 июля 1912 г. В. П. Кранихфельд объяснял отсрочку публикации «Русских сказок» интересами журнала и просил «или переместить последнюю (десятую... — Ред.) сказку, поставив ее где-нибудь среди других, или даже совсем устранить ее из первой серии, обработав ее для второй серии».

В ответ А. М. Горький писал:

«...Спасибо за письмо. Очень обрадован тем, что понял.

Десятую сказку — отбросьте, я пришлю другую на место ее, а если не успею — печатайте 9. Но, наверное, успею...

Относительно статьи Василия Львовича ничего не буду говорить. Он знает, что я не поклонник его писаний. Мне кажется, что «Совр. мир» слишком часто и много печатает статей о Горьком, одном из своих сотрудников.

Извините за краткое письмо, — очень занят. Желаю всего хорошего...»

Имеется в виду статья В. Львова-Рогачевского «Художник-правдоискатель» («Совет. временный мир», № 5, 1912).

ности, слишком раздробленной и судорожной в ее поисках организующей идеи. Вероятно, и мое отношение к «Заветам» покажется вам ригористичным, узким. Но — с моей стороны — не бойтесь ни ригоризма, ни узости, к этому я не склонен; суть в том, что, если мы с вами хотим строить здание в определенном стиле, — необходимо, в интересах красоты, чтоб и детали были стильны. Всякое дело тогда хорошо, когда оно, как песня, как музыка, — ничего лишнего, ни одного слова, ни одной ноты, — все — необходимо...

Засим: «Хозяина» отложите на март, апрель, а в феврале пускайте «Кладбище»!... Я очень прошу вас поместить вслед за этой вещью стихи Астрова, весь цикл, — они, по настроению, сливаются с психологией «проходящего»². В них ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорогим...

Знакомы вы с Ценским? Вот кого нам нужно...

Сильч? Это мужик крепкий, он скоро даст нам хороший рассказ, вот увидите! А тот мы поправим.

Сильно работают грузины, скоро у нас будет интересный материал...

мало места: Клавдии. Мне кажется, Вы могли бы сделать из этого материала вещь очень интересную.

Вам следует писать больше. Следует приучить себя к работе. Вы могли бы писать очень хорошо, но Вы плохо работаете, сударыня!

Очень жаль, что Вы живете далеко, а то бы я Вас вышлю! Не давал бы Вам чаю, пудры, пиши — сиди, сибирячка, и пиши, часов по пяти в день!

Крепко жму руку.

А. Пешков.

Д. М. Стоню начал печататься в 1919 году. В 1925 году выпустил первый сборник рассказов, сотрудничал во многих газетах и журналах, в том числе в горьковском журнале «Наши достижения».

Письмо А. М. Горького Д. М. Стоню написано 29 апреля 1935 года:

«Разрешите обратить внимание ваше на следующее: форма, избранная вами для вести «В два голоса», отразилась на материале очень не выгодно для него, да и самую тему повести сделала недостаточно явственной, ясной. В этой, по преимуществу эпистолярной форме «показаний», «записок», «протоколов» трудно дать яркие и пластические фигуры людей, а Товстун, Кота, Булыгин и особенно Гириш-байн требуют именно яркого освещения. Вы снабдили почти каждую фигуру признаками своеобразия, оригинальности, но признаки эти у вас почти намеки, и вся повесть получила характер «черновика». Это впечатление усиливается фразировкой повести, языком ее, ненужно перенасыщенным вводными предложениями, которые весьма затрудняют чтение и понимание. Заметьте, что у вас этот порок языка — свойство всех людей повести.

Мне кажется, что ее тема очень значительна, и поэтому я советовал бы вам поработать над повестью еще и еще. Я давно читаю ваши очерки и вполне уверен в способности вашей дать вещи художественной ценности и серьезной социальной значимости.

Рукопись передана мною на чтение т. Павленко, редактору альманаха «Год XVIII».

Летом 1935 г. А. М. Горький, интересуясь научно-популярными очерками в альманахе «Год...», поручил П. А. Павленко снести с молодым тогда, ныне здравствующим ленинградским литератором Владимиром Евгеньевичем Львовым.

В письме к нему от 10 июня 1935 г. Павленко писал: «Вы начинаете оригинальный жанр научно-общественной публицистики... Он требует большой формы, он с трудом примиряется с краткостью и размысленностью, и поэтому... Ваш жанр нов и очень важен... На днях я, докладывавая Алексею Максимовичу дела нашего альманаха, рассказывал ему о Вашем плане, который действительно произвел сильное и яркое впечатление. План очень заинтересовал Алексея Максимовича, и он идет с нетерпением рукописи...»

Отзыв А. М. Горького на предложение Львова написан 4 октября 1935 г.

Длительная болезнь автора плана помешала тогда работе над рукописью, и план остался неосуществленным.

«Предложение В. Е. Львова по существу — весьма соблазнительно, и предложение это следует принять. Однако возникает весьма серьезный вопрос о форме статей, избранной автором, о его «новом жанре» изложения завоеваний науки «словами страстными, взволнованными, неукротимыми». Я думаю, что этот «жанр» — к стати: не «новый», ибо, по указанию Львова, имел «предшественников» — этот жанр едва ли уместен в очерке по истории развития электрофизики в XX в.

Мы учим думать, познавать, но мы не учим воровать

«Взволнованность, неукротимость» обычно свойственны отцам церкви. И если рассказ о ходе научного понимания явлений мира требует «страстности», то, конечно, страстности сдержанной. Иначе говоря: мы за простоту и точность формы изложения, за простоту слова и фразы, без вульгаризации смысла фактов, идеи...

Не нужно ликующих восклицаний... Я думаю также, что не следует ошарашивать читателя такими числами, как напр., 268 000 000 000 000 или: 0,0000000001... Эти огромные числа не способны дать читателю реальное представление о физическом объеме атома, не говоря уже о его слагаемых, — а потому мы просим автора: по возможности везде, где речь идет об объемах, заменять цифры сравнениями реального с реальным, как это иногда и допускается автором... Так что я решительно против «взволнованности, неукротимости» и за — сдержанную страстность изложения, за внутренний пафос, — за четкость, простоту слова, фразы. Затем: весьма существенной считаю необходимость дать предварительную статью о единстве вещества материи, о том, что «все во всем» и что высшим, сложнейшим комплексом вещества материи является нервн-мозговая ткань человека — ткань, в коей скрыта его познавательная способность, его, изменяющая мир, энергия.

Начатый такой статьей ряд очерков, предлагаемых В. Е. Львовым, создаст бы интереснейшую и необходимую книгу.

Чудесное, крайне интересное лицо принимают «Огни»!..

Крепко жму руку.

А. Пешков.

Произведения А. М. Горького.

Рассказ А. М. Горького «Кладбище» вошел в цикл «По Руси», которому первоначально предполагалось дать название «Русь. Впечатления проходящего».

А. С. Новиков-Прибой.

«ВЫ МОГЛИ БЫ ДЕЛАТЬ ВЕЩЬ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНУЮ»

Переписка А. М. Горького с советскими писателями, весьма интенсивная, в подавляющей своей массе опубликована.

Письма к Н. В. Смирновой, Д. М. Стоню, отзыв на предложение В. Е. Львова — это оценка рукописей и книг, оценка творческих возможностей авторов. С горячей заинтересованностью относятся к ним А. М. Горький, внимательно читается в их произведениях, со всей определенностью отмечает художественные просчеты, радуется удачным страницам и неизменно указывает на прямую обязанность таланта — работать много и всыскательно.

Имя Н. В. Смирновой неоднократно упоминается в письмах А. М. Горького. Так, в письме к Л. М. Леонову в декабре 1927 года он замечает: «И еще понравилась некая Нина Смирнова, очень своеобразная фигура, со своим языком, своею темой...». А в январе 1928 года А. М. Горький рекомендует Вс. Ивану привлечь Смирнову к сотрудничеству в «Красной нови».

Письмо А. М. Горького Н. В. Смирновой датировано 18 июня 1931 года:

«Прочитал Ваши песни, Нина Васильевна. «Тоги» — на мой взгляд — материал для повести, но не для песни; в том виде, как Вы ее сделали, это еще не песня, а — набросок песни, «Интермедии» — не украшают ее. Язык — небрежен и тускл, что, вообще, не свойственно Вам. Характеры не достаточно четки. «Ножовка»? Трудно судить о том, как Вы делаете эту вещь: сифилис в роли действующего начала — не нравится мне. Думаю, что хотя болезни драматичны, но едва ли следует вводить их в драмы и даже строить драмы на них.

А, вот, третья вещь, в которой действуют приисковские рабочие — очень яркая, сильная штука, и Вам следовало бы поработать над нею. Местами она переходит в мелодраму, это следует сгладить. Простой, очень меткий язык, резко очерченные характеры. Оленка — не дописана: в первых актах — так мягка, что твердость ее поведения в последнем кажется не оправданной, произвольной. Не плохо сделан Лапочка, хорош Игнат, очень жаль, что Вы отвели

Публикацию подготовили: заведующая Архивом А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького, кандидат филологических наук С. С. ЗИМИНА, научные сотрудники ИМЛИ кандидат филологических наук Н. И. ДИКУШИНА и И. В. ДИСТЛЕР.

Фото 1928 года

А. М. ГОРЬКИЙ: ИЗ ПИСЕМ

ре, живете гораздо дальше от России, чем я, и не слышите ее наиболее громких воплей.

Считая себя социалистами и демократами, вы очень мало внимания обращаете именно на демократию, на те настроения, которыми она живет, то «брожение без дрожжей», которое затемняет ее сознание. Почему вы, например, не следите за такими изданиями, каковы «Народная семья», «Искры жизни», «Живое слово», «Жизнь для всех», симбирская «Жизнь», провинциальные сборники произведений писателей из народа, Битнерово предприятие «Гимназия для всех», и на все, чем питается современный массовый читатель? Следить за этим движением — ваша обязанность. Обратите внимание на идеи Сивачева, Завражного, Волкова — посылаю вам статью последнего и копию моего ему ответа. Этих Волковых становится все больше, и все они играют на одной дуде, одну и ту же, весьма вредную песню! Они становятся популярны в массе — чему имею доказательства.

Точно так же ваша задача следить за всем, что творится в области «национального самоопределения племен, входящих в состав империи»...

В журнале очень плохо и шаблонно освещается международное положение России... Естественно-научных статей — мало. Вам следовало бы ввести отдел «Хроника завоеваний мысли», где печатаются маленькие заметки-рецензии обо всем интересном в области науки, техники и т. д. Не мешало бы иметь отдел «Деревня» — это можно составлять по данным провинциальных газет, и это же необходимо, судари мои! Ведь все это стоит дешево, и вы сами понимаете, что это важнее, интереснее беллетристики «знаменитых», оплачиваемой на вес золота!

Вы могли бы также завести — и это давно пора сделать — именно вам! — «Обзор торгово-промышленной деятельности» в стране... И это сразу свело бы журнал в новый круг читателей, обогатив старые его круга.

Извините меня — вы ведете журнал холодно, лениво и небрежно: в нем не чувствуется единства и ясного сознания целей, преследуемых вами... Цель рецензий разноречива: со все стороны, а рецензия об Экоуте обнаруживает в авторе полное равнодушие к русскому языку? ну, как было не отметить такие отвратительные промахи переводчицы, как напр.:

«Дебаты на суде открыли много ужасного, что тщательно скрывалось: распятие на кресте, общее бичевание, утопление до последней крайности, подготовка к ауто-да-фе», «какое-то скульптурное изображение, изображающее сирену», «Он выражал свое очарование женщинами часто в немногих искренних выражениях» — господа, ведь вы, рекомендуя книгу, должны же знать, что рекомендуете!

те указать вам на противоречия, в которые вы впадаете, приписывая мне недостаточно внимательное отношение к журналу и упрекая в голословном суждении о нем.

Я не просто «предрешал», что «С. м.» — плох, вы сами знаете, что это правда, ибо вы сами пишете «вот и «С. м.» застыл и увял», «мы все время волнуемся, сознавая недостатки журнала».

Указание на рецензию об Экоуте — не «единственный обвинительный пункт»...

Я мог бы указать вам и более серьезные ошибки редакции, но раз эти указания принимаются как обвинения — это ставит меня в другую позицию по отношению к журналу.

Не скрою, что я смотрел на свое письмо как на попытку подойти к журналу возможно ближе, считая себя человеком не бесполезным для него. Полгода я ждал ответа на мое письмо и — получил «полемику», понуждающую меня на возражения.

Посылая сказки, которые вы называете «прелестными», я просил, если они понравятся, поместить их в весенних книжках и через три месяца получить ответ, что их лучше напечатать осенью.

Сказки эти для меня — новый жанр, мне было бы очень полезно знать, в какой мере они удачны, — я не самолюбив, со мной можно говорить просто и откровенно. Мне кажется, что если бы сказки оказались достаточно удобными для журнала и ценными, с точки зрения социально-педагогической, их можно бы давать два раза в год, частью как фельетон на темы современности, частью же «вообще» на русские темы.

Засим: вы приписываете мне акушерскую роль в рождении новых журналов. Так — грешен, помогал, по мере сил, и, как вы справедливо замечали, пока все безуспешно — детишки рождаются уродцами. Но в том, что дети чудотворны, не акушер виноват, а сквернейшая наследственность: родители — народишко, истощенный долголетним духовным недоеданием, а, главное, — индивидуалисты, на подобие ежей и спрутов...

Акушерская практика не дает мне ни удовольствия, ни заработка, но — «дай, бог, побольше нам журналов, плодят читателей они». И я уверен, что если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с<оциал>-д<емократов>, как группы наиболее богатых талантов... Очень удивляет меня, Владимир Павлович, ваш упрек в том, что я отношусь к «С. м.» предубежденно, упрек, который вы облумывали шесть месяцев. Не сомневаюсь, что у вас много работы, но ведь и я не сижу сложа руки.

Странные мы люди: обвиняя столь легко друг друга, как редко мы извиняемся в наших ошибках и в небрежности отношения друг к другу!

В следующем письме А. М. Горький сообщал, что посылает «сказку» взамен десятой, которую просит вернуть, а 2 октября 1912 г. пишет:

«Уважаемый Владимир Павлович!

...Ту «сказку», которая осталась не напечатанной, я просил послать мне. Теперь усердно прошу: когда выйдет книжка, пошлите, пожалуйста, оставшуюся не напечатанной сказку газете «Правда»!...

Сказка была напечатана в «Правде» 30 сентября (13 октября) 1912 года.

В письме А. М. Горького редактору журнала «Современник» Е. А. Ляцкому от 23 января 1913 г. много внимания уделено полемике с П. Е. Щеголевым.

В заметке Щеголева («Современник», № 12, 1912) одобрено решение редакции журнала «Заветы» печатать роман, который чужд направлению журнала. «Мы присутствуем, — писал Щеголев, — при настоящем торжестве терпимости и свободы мысли и критики». А. М. Горький выражает решительное несогласие со Щеголевым.

«Евгений Александрович, дорогой!

Основную задачу журнала мы ставим борьбу — широкого говоря — с косностью, умственной ленью, восточным пассивизмом — со всяческим «кладбищенством», коему наша психика столь легко поддается...

Мало — сказать, необходимо — доказать, мало возбудить физиологическое недомогательство бытием, — как это делают наши доморощенные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т. д. — необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия, с такою силой, чтоб он пережег ветхого Адама в нас и стал протестом органическим. Верно?

Этот взгляд на дело обязывает нас ставить все вопросы наиболее — конкретно, так, напр., если нам говорят: жажда свободы! — мы должны всесторонне разобрать, от чего, именно, желает освободиться сей жаждущий.

Г.<ну> Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции «Заветов» устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений — именно это свободное доверие заставило меня уйти из «Заветов». Я не могу не считать свободу как безразличия, как право человека отрицать сегодня то, что он утверждал — да еще догматически — вчера...

Мне известно также, что Щеголев говорил в Москве о вступлении в журнал Мережковского, Гиппиус и т. д.

Эта болтовня не только должна отразиться на подписке, понижая ее, но она делает мое участие в журнале невозможным. Мережковский и прочие, иже с ним, мне не подкадриль...

Дорогой Е. А., очень понимаю, что вам трудно разбираться в хаосе мелочных мнений, мелких течений современ-